18+

Рауфа Кариева

КУДА И КАК, КОГДА, ЗАЧЕМ И ГДЕ?

Роман в трех частях. Часть первая

Рауфа Кариева

Куда и как, когда, зачем и где? Роман в трех частях. Часть первая

«Издательские решения»

Кариева Р.

Куда и как, когда, зачем и где? Роман в трех частях. Часть первая / Р. Кариева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969627-4

Каждый читатель через страницу будет думать: «Со мной тоже похожее случалось». Книга о жизни. О моей. А так как таких, как я, миллионы, то это книга о жизни вообще.

ISBN 978-5-44-969627-4

© Кариева Р.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия 6
От автора 7
Глава 1. Замурованная дверь. Бабушкина линия 8
Мое завещание 8
Причинысрочного составления моего завещания 9
Моя бабушка Мавлюда 10
Бабушкины дети 11
Любимая сноха бабушки 12
Бунт Фриды 14
Начало военных действий 16
Замурованная бабушка 18
Запах бабушкиного дома 20
Утро похорон 22
Неправильное колдовство 23
Глава 2. Буква «У». Папина линия 26
Буква У 28
Моя тревога 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Куда и как, когда, зачем и где? Роман в трех частях. Часть первая

Рауфа Кариева

© Рауфа Кариева, 2021
ISBN 978-5-4496-9627-4 (т. 1)
ISBN 978-5-4496-9628-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Куда и как, когда, зачем и где?» – узнает каждый, на своей тропе.

Вместо предисловия

Повествование основано на реальных событиях. В этих событиях не принимает участие ни один вымышленный персонаж.

От автора

Фактически автором этого произведения являюсь не я. Я только записала то, что мне рассказала истинный автор текста – Ляля Давтар. Дама эта мне очень симпатична. Все, что она мне поведала – я прочувствовала, и пропустила через свое сердце. И только это дает мне право поставить свое имя как автора. Ляля не возражает.

Глубокое понимание мною этого человека – рассказчика описываемых событий, сочувствие ему, и сопереживание с ним, повлияло на мое решение сохранить стиль, обороты речи, особую манеру повествования, авторскую последовательность изложения событий – без соблюдения хронологии, и от первого лица. И мне это кажется логичным, правильным. Ляля не возражает.

Глава 1. Замурованная дверь. Бабушкина линия

Мое завещание

Сегодня я составила завещание и узаконила его у нотариуса. Вот его текст:

«ЗАВЕЩАНИЕ

Кто: Я, Давтар Ляля Бакшан кызы, ЗАВЕЩАЮ:

Кому:_____ (ФИО наследников)

Как: БЕЗ УКАЗАНИЯ РОДСТВА

Что: А. Имущество и объекты интеллектуальной собственности:

1. Свое движимое (автомобиль) и недвижимое (жилая площадь) имущество, которыми я владею в настоящее время;

2. Объекты интеллектуальной собственности: личныесайты, мои страницы в социальных сетях с их содержимым, в том числе фото, а также все мои литературные произведения, размещенные в сети Интернет на литературных порталах, вблогах и дневниках;

3. Любое другое имущество, о моем владении которым мне в настоящий момент неизвестно, или которое еще будет мною (мне) приобретено (получено, подарено) в течение моей жизни;

4. Любые другие объекты интеллектуальной собственности, которые будут созданы мною в будущем в течение моей жизни.

Б. Изъявление моей воли по поводу собственных похорон:

1. После моей смерти завещаю провести захоронение моего тела путем кремации и последующего развеивания праха над любым безлюдным природным объектом;

2. Завещаю поминок не проводить и о моей кончине специально никого не оповещать, чтобы большинство людей думали, что я продолжаю жить.

07 июня 2013 года_____ (Давтар Л. Б.)»

Причинысрочного составления моего завещания

Не думайте, что я собралась помирать, поэтому столь срочно написала завещание. Причина – совсем другая. Я потеряла все документы, которые могут подтвердить мое родство с законными наследниками. И в случае моей смерти у них могут возникнуть сложности с получением по наследству моего имущества.

Составление завещания должно стать обязанностью каждого человека – без кокетства и стандартного словоблудия типа «да я не собираюсь умирать». Написание завещания – одно из направлений подготовки к переходу в другой мир. А этот переход – это то, к чему нужно тщательно готовиться. Я так думаю.

Однако, как бы ты ни готовился и ни планировал, все будет на самом деле с такими вариациями, которые предположить заранее совершенно не представляется возможным. Ведь каждый человек уникален. Уникальна и неповторима судьбау каждого из нас. И также обстоятельства смерти и похорон – будут абсолютно индивидуальны.

Моя бабушка Мавлюда

У меня была только одна бабушка – по материнской линии. Бабушка по отцовской линии умерла за год до моего рождения.

Бабушку Мавлюду я помню с очень раннего детства – вся моя жизнь связана с ней настолько, что никакое событие моей жизни анализировать, обдумывать, не вспомнив бабушкины комментарии, участие, оценки, советы, не представляется возможным.

Мавлюда умерла 27 лет назад. Но редкий день у меня бывает, чтобы я о ней не вспоминала. Даже бывали в моей жизни периоды, когда я думала о ней постоянно, так как очень и очень скучала.

Бабушка всегда понимала меня, никогда не осуждала, напрасно не жалела и зря не ругала. Я водила к ней всех своих подруг и кавалеров. И она давала им всем оценки: «Этот хороший парень, никогда тебя не обидит. Только не трать зря время – твой отец тебя за него не отдаст», или«Парень красивый, хороший, но никогда не будет верным мужем», или «Эта подружка твоя очень красивая, ты с ней дружи обязательно. Она такая красивая, что всегда будет привлекать внимание ребят, а заодно и на тебя кто-нибудь внимание обратит».

Бабушка так запросто, без истерики в голосе, сказала мне однажды – умру, забери мою швейную машину себе, я тебе ее завещаю. А машина у нее была классная. Промышленная, немецкая, с электроприводом. Бабушка была профи-портным по пошиву национальной (для народа той страны, в которой мы жили – кухистанцев) одежды, в первую очередь верхней.

А я спросила у нее, кому же она завещает свои серьги – старинные, золотые, очень красивой формы. Классический верх с английским замком, александриты крупные и вокруг мелкие бриллианты, и подвеска – огромная литая золотая капля. Эта капля так изящно крепилась к верху серьги, что малейшее движение головы давалонеобыкновенно плавное покачивание этой капли. Роскошно, шикарно. Эти серьги достались самой бабушке по наследству – они переходили от матери к старшей дочери в их роду. Видимо, это была единственная роскошная вещь, в свое время не экспроприированная.

И бабушкасказала, что серьги – не мне! Они перейдут младшей снохе, жене бабушкиного младшего сына – Фриде. Она самая молодая, и живет с ней, и будет в старости за бабушкой ухаживать, и похоронит ее. Поэтому серьги перейдут ей. Я сочла, что бабушка права. Но серьги были настолько хороши, что я сказала бабушке: когда-нибудь закажу себе у ювелира – по памяти сделаю рисунок – точно такие же.

Примерно за год до своей смерти бабушка перестала говорить по-русски (кроме русского, она знала арабский, татарский и узбекский языки, но перед смертью стала говорить только на узбекском, да еще на таком диалекте, что не все татары, да и узбеки, ее понимали), и общаться с ней я больше не могла. Переписываться с ней тоже было невозможно – бабушка умела писать только по-арабски: ее единственным образованием было женское медресе в Челябинске. Она его закончила еще в детстве.

Бабушкестановилось все хуже и хуже – прогрессировала старая болезнь печени. От нее она и погибла. За 9 месяцев до смерти бабушки я перестала ее навещать. Я очень скучала, переживала, но в ее дом не ходила, потому что не могла, да и не хотела. Я очень терзалась, так как по бабушке очень и очень скучала – этого человека я любила больше всех других людей на всем белом свете. Шел 1986 год.

Последний год жизни и обстоятельства смерти моей бабушки – это боль моей души. Какпрошел этот год – вы сможете узнатьочень подробно, если будете читать дальше.

Бабушкины дети

У моей бабушки Мавлюды было трое детей. Старшие дети, рожденные до войны – это старший сын Ишбулат и дочь – моя мама – Мирра. К моменту последней болезни Мавлюды эти дети были взрослыми, надежно семейными, социально состоявшимися, успешными людьми – у бабушки ужебыли от них взрослые внуки и правнуки.

Но третий ребенок бабушки был ее печалью. Он родился, когда дед (муж бабушки) вернулся с войны – ВОВ. В 1948 году в стране была эпидемия полиомиелита, и 8-месячный Яхья тоже заболел.

Моя мама рассказывала мне, что помнит ту ночь, когда Яхья заболел. Он настолько душераздирающе кричал, что невозможно былодажедышать всем окружающим – воздух превратился в тягучую массу от свалившегося на семью горя. Инфекция ломала детский организм, и к утру у ребенка половину тела – правую – парализовало.

Яхья на всю жизнь остался инвалидом. Сначалаон был совершенно неподвижен, но долгие годы лечения, массажей – дали возможность примерно к 7—8 годам встать и начать ходить. Но как ходить – с огромным трудом волоча ногу. Рука – правая – не работала. Правая половина лица не слушалась, глаз не видел и ухо не слышало. Лечение продолжалось всю жизнь. До 20—25 летнего возраста разрабатывали мышцы, потом принимали поддерживающие общее здоровье меры.

Забегая далеко вперед – скажу. Яхья умер в 2012 году. Несмотря на тяжелую инвалидность, он прожил полноценную жизнь. Всю жизнь работал главным бухгалтером на огромном предприятии, вырастил двоих детей, дал им образование, выдал дочь замуж и дождался внука.

Нов те далекие годы третий – несчастный, больной ребенок для бабушки был особенно дорогим – его былодо боли в сердце жалко.

В 1977—1978 годы, когда Яхья стал уже 30-летним мужчиной, у бабушки начались новые душевные муки – его одиночество. Ну, кто пойдет замуж за такого калеку? Бабушка ни о чем более не могла говорить – только о поиске жены для своего несчастного сына.

Во всех своих жизненных неурядицах бабушка обвиняла своего мужа Ибрагима, даже спустя много лет после его смерти. Все ее воспоминания о прошлом заканчивались фразой – «это все он виноват… (далее называлась фамилия деда)». Особенно дед был виноват в том, что несчастен младший сын-калека, а через это несчастье несчастлива и сама бабушка. От коронного вывода бабушки, подчеркивающего особую «вину» деда, я улыбаюсь до сих пор. Она сказала мне однажды: «Яхью женить не можем, никто за него не идет. А это все он виноват, дед ваш. Сам сдох, а я тут мучайся». Фразу «сдох» бабушка произнесла таким тоном, будто бы 12 лет со дня смерти деда (на тот момент), дед на самом деле был не мертв, а отдыхал в каком-нибудь шикарном санатории.

Любимая сноха бабушки

Не сразу, с большим трудом, но невеста для Яхьи нашлась. Это моя мама, устав от бесконечных поисков, смотрин – все было напрасно – поступиладомостроевским способом. Она с Яхьей поехала в деревню их отца на Волгу. Родни там было много. У моего деда Ибрагима, то есть их отца, было только родных сестер – пять. И у каждой было по 6—7 детей. Так что двоюродных братьей и сестер было столько – что не поддавалась счету.

Конечно, только сам дед Ибрагим, пока был жив, переписывался со своей родней. А теперь получалось, что моя мама с младшим братом поехали в деревню к людям, которых фактически не знали. Номамин замысел был решительным. Она устала от причитаний бабушки, что бедолага Яхья останется одиноким. Конечно, ей тоже было жалко брата – как жежить без жены и детей на белом свете?

Когда моя решительно настроенная мама я братом приехали в ту деревню, была проделанаследующая «работ». Мама собрала всех своих двоюродных сестер в доме старшей из них, и произнесла пламенную речь – изложила в открытую, без обиняков суть проблемы. Вот Яхья. Ему 37 лет. Да, он не красив, онинвалид. Вот он – никто не скрывает его недостатков. Но, в то же время, этообразованный и материально крепкий человек, у него солидная должность и хорошая зарплата. У него естьхороший дом в красивом городе. Ему нужнажена. Если какая-то девушка решится на замужество с не очень молодым, некрасивым ихромым человеком, то она должна знать, что она приедет в его дом как законная жена, хозяйка дома, со всеми правами. И жить будет в городе, где все улицы асфальтированные. Красиво одеваться и носить туфельки. Она получит образование и, если захочет, сможет работать по специальности.

Российская глубинка. Глухая деревня на Волге. Суровый климат. Стаи мух, абсолютное бездорожье. Тяжелый крестьянский труд. Ребята отсюдауходили в армию, или уезжали в город учиться, и старались не вернуться. Девушкам не хватало женихов. Те, кому удавалось выйти замуж, страдали от пьянства мужей. Почти все замужние женщины ходили битыми – традицией этой местности было проявление в семейных отношениях мужской тирании. Считалось, что мужчину – главу семьи – вся семья должна бояться. Поэтому всех нужно было постоянно бить. Для порядка.

Мамина пламенная речь и катастрофическая нехватка женихов в этой деревне привели к тому, что на смотрины – как насамый настоящий кастинг невест – выстроились в очередь толпы девушек.

Мама и Яхья растерялись. Они не знали, как теперь быть. Как выбрать? Кого выбрать? Чтобы часть претенденток отсеялась, мама провела Яхью несколько раз по деревне – чтобы все посмотрели, как он тяжело хромает. Не помогло.

Несколько туров отбора провелидвоюродные мамины сестры. Они знали народ – им было легче. На последний тур оставили 10 девушек. Решили последнее слово предоставить Яхье. Все же ему жениться – девушка должна ему приглянуться. Сделали так. Посадили Яхью за занавеской, в которойпроделали дырочку. В комнату по очереди входила девушка. А Яхъя в дырочку смотрел и думал, какую он возьмет в жены. После просмотра 10 участниц финала он должен был сам сказать, какую он выбрал.

И он выбрал. Фриду. По-русски говорить она не умела. Ей перевели, что она – победительница конкурса.

На следующий день утром в сельсовете молодых расписали.

Когда я впервые увидела жену Яхьи, то потеряла дар речи на какое-то мгновение. А потом шепнула Яхье: « Ну, ты и нахал. Сам немолодой, хромой, косой, с огромным орлиным носом (нос у негобыл по форме – копия дедушкин, но почему-то раз в 6крупнее) – ав жены выбрал самую молодую и красивую девушку».

Девушка действительно была очень юная, и прекрасна, как весенний цветок. В родной город Яхья приехал уже женатым человеком.

Счастью бабушки не былограниц.

Сыграли свадьбу.

Яхья ни в чем не отказывал своей жене. Платьев у нее теперь было, как у известной кинозвезды. Она быстро выучила русский язык, освоилась, закончила курсы какие-то, и устроилась на работу. А потом она родилаподряд двоих прелестных малышей, красивых и здоровых. Старшую девочку Флюру бабушка даже успела понянчить – еще былаотносительно здорова.

Но с рождением второго малыша в этой семье начался новый этап жизни. Бабушка уже почти перестала ходить – у нее были проблемы с ногами. К тому же у нее прогрессировала болезнь печени, и вообще наступала по всем фронтам «злодейка-старость». Наступил также 1985 год.

Бунт Фриды

За несколько лет замужества Фрида расцвела, ив совершенстве выучила русский язык. Ход ее мыслей стал ясен всем – она регулярно оповещала о немродственников своего мужа. Вызвав теперь, когда бабушка совсем слегла, на серьезный разговор старших брата и сестру Яхьи, она поведала им следующее:

«Бабушка уже почти не ходит, и она очень больна. Ей нужен особый уход и внимание. К тому же вы знаете – характер у нее очень тяжелый, угодить ей практически невозможно.

У меня двое маленьких детей ясельного возраста. И муж – инвалид, который по дому помогать практически не может. Он даже ребенка на руках подержать толком не может – у него одна рука.

Дом огромный. Он требует ухода, уборки и непрерывных ремонтных работ. В доме уже сделали паровое отопление и провели воду в кухню, тем не менее, основные удобства во дворе. Чтобы постирать, надо топить баню. И топить ее – дровами. А стирки у меня с двумя малышами и больной бабушкой – нескончаемый процесс. Огромный двор и участок также требуют уборки.

Бабушка является очень общительным человеком, и к ней постоянно ходят люди – подруги, соседи. Это происходит днем, когда мы с мужем на работе, а дети в детском саду. Ворота всегда нараспашку. В дом входят за день много людей, и потому на крыльце и в прихожей постоянная грязь – не все ведь разуваются. И потому я, после рабочего дня, вынуждена еще ежедневно мыть полы.

К тому же мы должны постоянно думать о том, что в таком незакрывающемся доме нельзя оставить ценные вещи, деньги.

У бабушки ночные приступы, она кричит и зовет меня – иной раз всю ночь напролет. А мне после напряженного рабочего дня, вечера, с двумя малышами, еще ведь надо выспаться – завтра на работу.

Получается, что огромную тяжесть ухода за больной старухой вы, старшие ее дети, возложили на самого младшего, больного брата, и его жену, и у них было два младенца.

Вы взрослые и небедные люди, ваши дети давно выросли, у вас комфортные квартиры со всеми удобствами, а старшая сноха к тому же – врач. Так вот и забирайте свою мать себе, и ухаживайте за больной и старой женщиной сами».

Мирра и Ишбулат – старшие дети моей бабушки, сочли аргументы Фриды весомыми. И пришли к выводу, что бабушку надо забрать. Решено было поселить ее у старшего сына, так как его жена врач, а бабушка нуждается в медицинской помощи.

В доме Ишбулата бабушке выделили комнату. Ее удалось уговорить поехать туда, и пожить там – под видом лечения руки – как раз в это время бабушка упала с кровати и сломала руку.

Бабушка терпеливо жила у старшего сына – пока лечили руку. Но как только гипс был снят, начались проблемы.

Дочка Ишбулата, моя двоюродная сестра, по телефону рассказала мне, что происходило дальше. Бабушка устроила сидячую забастовку и сухую голодовку. Также она непрерывно и методично, часами напролет, стучала костылем по металлическим частям кровати. Политическим лозунгом такого масштабного протеста было следующее:

«Мой муж в свое время построил для меня дом. Я прожила в нем полвека. Это мой дом. Я не нищенка и не бездомная, чтобы жить в приживалках и иждивенках у снохи. Я хочу жить в собственном доме и умирать на своей родной постели».

Мирра, дочь бабушки и моя мама, забрала бабушку к себе.

Я очень обрадовалась. Сказала бабушке – вот моя комната, будешь тут жить. Я буду за тобой ухаживать. Очень скороя уже получу свою квартиру – кооператив, я уже работаю на стройке по отделке, и мы переедем туда. Будешь там хозяйкой.

Но бабушкасказала мне, что не желает жить в доме зятя (мужа дочери), потому что: «Мой муж в свое время построил для меня дом. Я прожила в нем полвека. Это мой дом. Я не нищенка и не бездомная, чтобы жить в приживалках и иждивенках у зятя. Я хочу жить в собственном доме и умирать на своей родной постели».

Но все настаивали, чтобы бабушка осталась жить в доме дочери. Мы с мамой объясняли бабушке, что младшая сноха с двумя малышами не может обеспечить уход за бабушкой, а старшие дети не могут переселиться в том дом, чтобы ухаживать за мамой – у них есть свои семьи и ответственная работа (дядя был, к примеру, директором огромного промышленного предприятия).

На бабушку наши слова не производили никакого впечатления. Она продолжала твердить следующие слова: «Мой муж в свое время построил для меня дом. Я прожила в нем полвека. Это мой дом. Я не нищенка и не бездомная, чтобы жить в приживалках и иждивенках у кого бы то ни было. Я хочу жить в собственном доме и умирать на своей родной постели».

В один день, я вошла в свою комнату и обнаружила, что бабушка исчезла. Она ведь уже не ходила – ноги не слушались. А тут вдруг ушла. Оказывается она, держась за стул и по сантиметру передвигая его вперед, сумела выйти из дома, проползти через весь двор к дороге. Когда я выскочила на улицу – бабушка была уже на обочине дороги. Вместе со стулом.

Я подбежала к бабушке. Она строго посмотрела на меня и приказала: «Отвези меня домой».

«Батько-атаман» сказал «домой» – значит «домой». Я остановила машину и отвезла бабушку домой – в ее родной дом, который в свое время построил для нее ее муж.

Начало военных действий

Дом своей бабушки Мавлюды я считала и своим домом. Я там выросла. Поэтому считала возможным приходить в этот дом, когда мне заблагорассудится. И вела себя в этом доме как в своем – свободно ходила по нему, не о чем никого не спрашивала – можно войти или нельзя и т. п.

Оказывается, это страшно раздражало новую хозяйку этого дома – Фриду. И потому я стала одним из громоотводов ее раздражения по поводу возвращения бабушки домой. Фрида так и сказала моей маме – пусть ваша «стервозная Ляля» (то есть я) сюда вообще не приходит – ведет себя как хозяйка, приходит, когда хочет, в том числе в мое отсутствие, водит к бабушке своих друзей и гостей. Нашей бабушке, – продолжала скандалить Фрида – и так гостей хватает – не закрываются двери днями напролет. Подружки, соседи ходили к бабушке постоянно – днем они кормили и мыли бабушку. Да и просто сиживали там по очереди целыми партиями – развлекали бабушку, отвлекали ее от болей и недомоганий. Бабушка поощряла многочасовые посиделки, сопровождающиеся и курением табака, и употреблением «насвоя», и распитием вина – теми, кто любил этот напиток. Чтобы бабушка и ее гости не пили что попало, Ишбулат постоянно привозил много высококачественного красного вина Кагор.

Так как бабушка вернулась домой насовсем, наотрез отказавшись жить у старших детей, то моя мама и жена старшего брата стали после работы ездить к бабушке. Ее кормили, лечили, мыли, а также мыли полы, стирали и готовили. Затем, уже поздно вечером, приезжал Ишбулат, и отвозил жену и сестру домой. А субботу и воскресенье они проводили там полностью – все вместе. И так продолжалось почти год. А днем за бабушкой смотрели ее подруги.

Попытки Фриды закрывать перед уходом на работу утром двери, ворота, успеха не имели. Это был поселок, в котором люди бок о бок прожили полвека – они знали, как пройти через сад, перелезть через забор. Запускали человека, он все равно проникал в дом и открывал его изнутри.

Фрида, вернувшись домойвечером, не имела возможности проводить вечера уединенно со своей семьей. И она очень нервничала из-за этого, и свои нервы изливала в виде ежевечернихтяжелых скандалов, со слезами, разбиваниями посуды, перекрытием воды и прочими коммунальными штучками. Частенькоона пыталась спровоцировать и драку.

Попытки убедить Яхью успокоить свою жену, и вернуть мир в семью, не увенчались успехом, так как Яхья заявил сестре и брату следующее:

«Как бы мне ни было жаль мать, и даже если моя жена тысячу раз не права, я все равно буду стоять на стороне жены. Она и мои дети – это моя жизнь. Кому я, калека несчастный нужен? Если моей жене трудно, то она может уйти из этого дома, забрав с собой детей. Я в эту же минуту, если такое случится, повешусь».

Мама рассказывала мне обо всем этом, и как трудно находиться всем в этом доме. Я предложила ей поменяться ролями, илихотя бы меняться с ней дежурствами. Мама наотрез отказалась. Во-первых, сказала она, ты у нас и так «чокнутая», а там настолько тяжелая психологическая обстановка, что это не пойдет тебе на пользу. Во-вторых, «болезнь моей матери – это мой крест, а не твой, и потому нести его буду я сама» – заключила моя мама.

Договорились, что всю мамину работу в ее семье – по уходу за домом, за ее мужем и ребенком (у мамы был маленький ребенок в то время) – выполняю я в качестве помощи ей, пока она ухаживает за своей больной матерью. Так и было какое-то время. Но потом я вновь вернулась к разговору. Дело в том, что папа стал сильно возмущаться, что жены постоянно нет дома. И я сказала маме: «Давай я перееду к бабушке, а ты сама разбирайся со своим мужем». И тогда я узнала некоторые подробности насчет маминого решения о том, чтобы не разрешать мне ездить в дом бабушки:

Мама: Фрида и Яхья сказали мне, что если Ляля еще раз сюда придет, то они напишут заявление в милицию о краже. (У них пропало много ценных вещей, и они считают, что это именно я их украла).

Я: Но я никогда ничего у них не крала….Я выросла в этом доме, и выросла вместе с Яхьей. Неужели он может обо мне такое сказать? Это Фрида все придумала. Я пойду туда, и Фриду задушу.

Мама: В том-то и дело, что тебе нельзя туда идти. Ты же «истеричка» – не умеешь сдерживаться, и спокойно переносить оскорбления и нападки, как терпим мы. Ты поддержишь провокации Фриды, что приведет к возрастанию напряжения и усилению семейного конфликта, перерастет в драку – а Фриде именно этого и надо. Тебе нельзя туда идти.

Я опять согласилась с мамой, потому что знаю, какой я никудышный миротворец. Сама я никогда не проявляю агрессию первой. Но, если нападают на меня, то никогда не стараюсь погасить конфликт, а наоборот, активно поддерживаю эскалацию напряжения, и, при первых признаках, что мои слова не слышат, не слушают или не понимают, перехожу к активному физическому воздействию на оппонента. Только в последние годы я научилась сдерживаться – очень большими усилиями воли.

И с мужем своим мама продуктивно побеседовала:

Мама: Тебе не нравится, что я езжу к своей матери? Я завтра привезу ее к нам, и все вечера и выходные буду дома.

Папа: А бабушка будет стучать костылем по кровати днями напролет? – тогда я сразу повешусь.

Мама: Еще один претендент в висельники выискался. Нашли с Яхьей удобный выход – повеситься. Нам: решайте проблемы, терпите, трудитесь, а они – повесятся и будут плавно покачиваться на веревках. Сняв с себя все обязательства и трудности.

И мама опять стала ездить к бабушке каждый день. А я была дома и вела хозяйство.

Замурованная бабушка

В один вечер мама приехала особенно поздно. До дня смерти бабушки оставалось 9 месяцев. И случилось вот что.

Мама и жена старшего брата, как обычно, вечером приехали к бабушке. Они вошли в дом, прошли по коридору – бабушкина комната была первой по коридору справа, и обомлели. Вся правая стена коридора была заложена кирпичом.

Оказывается, Фрида утром не пошла на работу, зашла к бабушке, сняла с нее обещанные ей, младшей любимой снохе, старинные золотые серьги с александритами, и попрощалась с ней. Затем она вышла из комнаты, привела бригаду строителей, и они первым слоем кирпича заложили проем двери. Вторым слоем кирпича изнутри дома, со стороны коридора, они выложили всю стену, вместе с дверью. На следующий день, когда цемент подсохнет, планировалось стену заштукатурить. Так впоследствии и было сделано. И побелено.

Мама и тетя растерялись. Они поняли, что бабушка весь день провела в замурованной комнате. Они побежали на улицу, со стороны палисадника, посмотреть в окно. И увидели там сооружение из табуретов и досок – бабушкины подружки уже залезали к бабушке в окно. Так поступили и мама с тетей.

Стали ждать приезда Ишбулата. Он должен был найти решение из новой ситуации. В окно – а фундамент дома был высокий – было неудобновносить ведро с водой, например, или шприцы в боксе. А как вызвать врачей? – стыдно от людей, что бабушку замуровали. Да и нелегко немолодым женщинам влезать в окно – очень высоко. Кто-нибудь мог упасть, и что-то сломать себе. Все были уже не молоды, ине особенно-то спортивны.

Приехал Ишбулат, и принял решение, что надо рубить новую дверь. Но тут возникли новые проблемы. Дед строил дом со всей ответственностью. И та стена, в которой были два окна бабушкиной комнаты, была несущей, и очень толстой и крепкой. Значит, решил Ишбулат, рубить будем с другой стороны – другая стена былане несущая и намного тоньше. Но эта стена, перпендикулярная той стене, в которой были два окна, граничила с кухней. Стало быть, надо было прорубить дверь в кухню с улицы, а потом из кухни прорубить дверь в бабушкину комнату.

Ишбулат привел рабочих, и они принялись за дело.

Можете себе представить, как это все восприняла Фрида. Началась уже не война, а вселенская катастрофа. Ей объясняли, что другое инженерное решение по вырубке новой двери принять нельзя. Так построен дом. И кухню поделить нельзя – вода, газ, отопление – все было в кухне и в той стороне, гдетеперь будет новый коридори новый вход в бабушкину комнату. А вода, газ и тепло – нужны и Фриде и ее семейству. Так что ей, младшей любимой снохе, абсолютно избавиться от бабушки и ее старших детей пока невозможно. Полностью, основательно, перестраивать дом некогда. Бабушка очень больна, за ней надо ухаживать, а не заниматься строительством.

Все было на страшных нервах, все делалось сгоряча. И потому так бестолково и страшно.

Замуровыванием бабушкиной двери Фрида ничего не добилась. Кухня, вода, газ, тепло – все это было необходимо в процессе ухода за больной старой женщиной, которая была больна циррозом печени и медленно угасала. Иопять на«поле боя» – в кухне, продолжились баталии.

Вырубание новых дверей привело к возрастанию пыли, грязи, строительного мусора, обломкам кирпичей – был страшный шум и беспорядок. Все это усугубляло нервное напряжение и непрекращающийся шквал оскорблений, ругательств, скандальных обвинений и истерик.

Я не ходила все это время в дом своей бабушки. Боялась драки с Фридой, и обвинений меня в воровстве. Особенно по поводу воровства – я смертельно обиделась за такое обвинение. И сильно переживала – настолько, чтоу меня усилились мои необычные недиагностируемые

медициной приступы головной боли. Папа устал вызывать мне скорую за скорой. Мама начала меня ругать в связи с этим: «Возьми себя в руки. А то еще „дашь дуба“ – ко всем моим проблемам добавится еще одна – мне придется еще и твоего ребенка растить». «Сдашь в детдом», – надерзила я матери.

Перекроенный дом с новыми проемами дверей я увидела только в день похорон бабушки. От боли за бабушку, которую замуровали, я чуть не упала в обморок. Мнеуже не хотелось задушить Фриду – хотелось лишь уйти из этого дома и никогда больше туда не возвращаться. Так и случилось. Это было последнеесвидание с домом моего детства – домом моего деда.

В день похорон моей бабушки я не виделась с ней уже почти год и смертельно соскучилась. Ведь она всю мою жизнь была рядом со мной. А тут целый год – не рядом.

На похоронах бабушкиФрида очень хорошо выглядела. Наее красивом молодом лице игралсвежий румянец. В ушах у нее сияли бабушкины серьги с александритами.

* * *

Сегодня, почти через 30 лет после этих событий, мне стало ясно, почему у меня в тот период настолько усилились головные боли: я вела себя против своего естества. Слишком много соблюдала условностей, как, впрочем, и все мое окружение. «Что кто сказал», «Кто что подумает», «Что скажут люди» и тому подобные идеи довлели над умами всех людей того сообщества, где я жила – господствовал стадный инстинкт.

Взрослые солидные людивели себя как зайчики перед неумной зарвавшейся девицей, которая манипулировала даже своим мужем.

А я сама-то «хороша»: «мама сказала», «папа сказал», «в воровстве обвинят». Также я соглашалась, как мазохистка, с ярлыками, которые на меня вешали: «чокнутая», «истеричка». А может быть, наоборот, я была нормальнее всех! Но ломала себя! Подстраивалась.

Эх, надо было делать то, что хотелось: послать всех на три и более буквы, включая маму с папой, переселиться к бабушке, чтобы попрощаться с ней – на весь год. Пить вино с ее подружками целыми днями и курить с нимитрубки. Подраться с Фридой. И на каждую ее провокацию отвечать очередным фингалом ей под глаз. Также разрушить стену, которой она замуровала бабушкину комнату (а не рубить другие двери), и замуровать вход на половину дома Фриды. Пусть она с семейством залезала бы вдом через окно. Надо было такжедать телеграмму в родную деревню Фридыи вызвать другую невесту – любую из тех, кого Фрида тогда, на кастинге невест, обошла. Вместо того чтобы бояться, что Фрида уедет. Кому она была нужна в своей деревне?

Но это все я только сейчас поняла. Жаль, что не тогда.

Запах бабушкиного дома

Был солнечный день, где-то около полудня, когда Яхья позвонил в квартиру моих родителей по телефону, и сказал мне, что бабушка умерла. Он так и сказал: «Умерла твоя бабушка». Он не сказал, что умерла его мама. И голос у него был такой, будто и не было этого страшного года, и не быложуткого противостояния родственников. Говорил со мной так, будто мы с ним очень близкие друзья – такой был родственный и доверительный голос.

Я ничего не ответила Яхье, положила трубку, и собралась было позвонить маме на работу, сообщить весть. Но в этот момент раздался звонок в дверь. Я открыла. На пороге стоял Ишбулат. В руках он держал огромный таз с желтыми персиками. Тяжесть была огромная, потому без приветствия, Ишбулат быстро поставил таз на пол в коридоре квартиры. Сказал мне, что это еще не все персики. Сейчас принесет из машины еще. Я сообщила ему о том, что только что позвонил Яхья. Ишбулат будто и не расстроился совсем.«Уже умерла?» – такой был вопрос, ипочти без эмоций. А затем дядя ушел за второй порцией фруктов.

Через непродолжительное время Ишбулат вернулся с таким же тазом – горкой заполненным ярко-желтымибархатными плодами. И сказал мне: Персиков много – урожайв саду на даче нынче невообразимый. Надо срочно варить варенье. Персики настолько спелые, быстро начнут портиться. Начинай прямо сейчас – вымой их, разрежь пополам и засыпь сахаром.

Я слушала ценные указания дяди по методике варки варенья и ждала, когда же он заговорит о смерти бабушки. Но не дождалась. Отдав распоряжения, Ишбулатушел.

Я посмотрела в окно: жизнь за окном кипела. Ездили машины, ходили люди, играли дети. Ярко и весело светило солнце. Как странно, подумала я. Человек только что умер. Это так важно. Но никому нет до этогоникакого дела. Точно такие же мысли у меня были ивесной 2004 года, когда я получила известие о смерти моего первого мужа, отца моего ребенка. Была тоже очень хорошая весенняя погода. На улице было весело и оживленно. Никому не было дела до того, что кто-то в этот момент ушел из жизни.

* * *

У бабушки в доме, как и во многих домах, имелся свой необычный специфический запах. Если бы меняпо какому-то запутанному маршруту с завязанными глазами привезли в этот дом, я узнала бы его по запаху. В этом доме всегда варилось варенье из винограда сорта Джаус. В подполе стояли огромные банки – всегда! Съедать за зиму не успевали. Это былиогромные темно-сиреневые ягоды, очень сладкие. На весь двор на опорах были построены перекладины для виноградных лоз, как принято было в южных странах. Там именно так растили виноград, а не как во Франции – на земле. Я думаю, от виноградакакие-то частицы запах вливались в атмосферу дома.

Когда еще был жив дед – прямо во дворе «качали» мед. Дед занимался пчеловодством. Всегда на столе в кухне стола плошка с медом, и плошка с сотами, сочившимися от меда. Второй компонент аромата дома.

Из винограда и вишен, которых также было много вокруг дома – делали домашнее вино. Еще один аромат.

Всегда, сколько помню себя, у бабушки был большой курятник. Всю жизнь на завтрак она выпивала несколько еще теплых яиц – сырых. От кур тоже особый запах исходил, это точно.

Также всю жизнь в доме находилось большое количество тканей. Бабушка была профессиональной портнихой. И я помню, что у этих тканей – под названиемплюш – был особыйзапах.

Также бабушка обожала духи. Их у нее было огромное количество. И душилась она не двумя каплями за ухом, а основательно. Однажды у меня в комнате, в доме у моих родителей, она увидела необычные духи и подушилась ими. Духи были страшно дорогими, и в буты-

лочке их было 7 мл – такая фасовка, из-за дороговизны. Одним словом, у меня духов этих больше не осталось. Только баночка на память.

Страсть к парфюму передалась от бабушки кЯхье. У него всегда была коллекция мужских одеколонов. Я очень любила их изучать и нюхать. Мужской парфюм я сама люблю больше женского. Но мужской я за ненадобностью сама не коллекционирую. Поэтому в доме бабушки для меня всегда как экскурсия была – разные парфюмы оценить.

Последние 15 лет жизниу бабушки были проблемы с ногами. Они необъяснимо болели. Под конец жизни бабушка уже не могла ходить вообще. И все эти годы в доме непрерывно пробовались разные мази и притирки, варились отвары, готовились масляные растворы, осуществлялись тепловые, паровые, растирательно-прогревательные процедуры с огромным количеством пахучих веществ, растений, жиров, масел и медицинских средств. Это придавало какую-то перчинку всем запахам, витающим в доме.

Возможно, из этих всех компонентов ивозникала какая-то особая композиция запахов дома. И была эта композиция уникальной.

Даже в детстве, я помню, заурядная манная каша у бабушки, была какой-то другой. Не такой, как у мамы. Оказывается, бабушка всегда перетапливала сливочное масло каким-то особым способом. У масла менялся запах. А может быть, его перетапливали в той же кастрюле, где недавно отваривали чудодейственные травы?

А молоко, которым меня лечили от ангины! Я не узнавала его вкус. Только уже взрослой я узнала, что туда добавлялась капля какого-то волшебного масла, присланного бабушке из глухой сибирской деревни. А натирали меня во времяпростуды вообще чем-то кошмарным. Оказывается, это был медвежий жир, смешанный с травами из тайги.

* * *

Поэтому, когда я вошла в дом бабушки в день ее похорон, я была ошеломлена родным, дорогим мне запахом дома, в котором я выросла. Я очень соскучилась по дому с его запахом за тот год, что я там не была.

Утро похорон

Перед тем, как поехать в дом бабушкив день ее похорон, нам нужно было с утра посетить магазины, в которыхпредстояло купить много разных товаров по списку «Что нужно для татарских похорон». Этот список нам дала профессиональная устроительница похорон. В список входило большое количество х/б полотенец, кусков ткани, простынок, белых мужских рубашек, кусков туалетного мыла и много всего прочего. Так надо. Так принято. Так положено.

Мы решили отправиться на Красный базар – там было больше всего магазинов тканей и галантереи. И оттуда легко потом уехать в поселок Северный, где располагался дом бабушки. Оттуда ходила 555 маршрутка, и было много такси в ту сторону.

Мы поехали втроем – я, моя мама и моя 6-летняя дочка. Долго ходили, покупали что-то по мелочам, потом устали, зашли в самый большой магазин и отдали список продавцу-кухистанцу (местный житель страны, в которой мы тогда жили), чтобы он сам подобрал все, что полагается.

Продавец все выполнил, и все покупки, вместе с ранее купленными товарами, он сложил в два огромных пакета. Мы расплатились и вышли.

Идем мы по рынку – у меня в одной руке сумка дамская (в ней кошелек с деньгами), а другой рукой я держу за руку свою маленькую дочь. Мама моя идет рядом идержит в руках список покупок. Она постоянно его перечитывает и говорит: «Мы все купили». Проходим еще несколько метров. Мама останавливается и опять внимательно вслух перечитывает список и повторяет: « Мы все купили». Я ей отвечаю: «Все купили – ничего не забыли».

Мы выходим с территории базара. Мама говорит: мы не можем поехать на маршрутке. У нас ведь два огромных пакета. В маршрутке тесно, мы будем мешать другим пассажирам. Поедем в такси. Я с мамой соглашаюсь.

Мы подходим к таксисту. Мама ему говорит, что мы едем хоронить бабушку, у насдва больших пакета. Нас надо отвезти быстро, нас ждут. Таксист внимательно смотрит на нас троих, намою дамскую сумку, видимо решает, что, если есть сумочка, значит, есть кошелек и деньги, но ничего не уточняет более насчет пакетов (а может он и не понял слова мамы – плохо знал русский язык), и везет нас, куда мы сказали.

Приезжаем к дому бабушки. Выходим, расплатившись с таксистом. К нам подходит устроительница похорон и вопросительно смотрит на нас. Мама ей торжественно объявляет, что мы все купили, в точности по ее списку. И мама передает женщине список. Та внимательно смотрит на маму, потом на меня. И в это мгновение я разворачиваюсь и бегу вслед за таксистом, который еще не набрал скорость, так как с трудом разворачивался в тупике переулка.

Я заскакиваю в такси, следом подбегают моя мама и моя дочка. Мама коротко командует таксисту – обратно на Красный базар, потом подождать у входа, и обратно сюда. Быстрее!

И мы втроем едем обратно. Приезжаем на базар, идем в магазин, где нам все подбиралпо списку продавец. Как только мы входим в магазин, продавец, глядя на маму, говорит: «Хола („тетя“, на местном наречии), я жду вас, вы оставили пакеты». И достает нам пакеты изпод прилавка. Парень пояснил, что выбежал за нами, когда заметил, что мы забыли пакеты, но не догнал и очень удивлялся, как мы так быстро умудрились уйти.

Уже с пакетами, с тем же таксистом, мы вернулись в дом бабушки.

Неправильное колдовство

Когда моей бабушке Мавлюде было сорок лет, она тяжко заболела. Есть фото, которое сделано в этот период, когда была потеряна надежда на выздоровление бабушки. На фотографии она в черном кружевном платье и настолько худая – просто тень какая-то. Рядом дедушка и все их дети. Видно, что фото было сделано на память детям о матери.

Бабушку – тогда она еще не была, по сути, бабушкой, поэтому буду называть ее по имени – Мавлюда – уже положили в больницу. Онане вставала. Диагноз был неясен – только – предположительно – было необычное по проявлениям, и очень тяжелое воспаление печени. Пища не принималась организмом вообще. Мавлюда таяла и таяла.

Дедушка – он тоже тогда еще не был дедушкой – Ибрагим – написал о болезни жены своей сестре. Она, как и остальные 4 сестры – а со своими 5-ю сестрами Ибрагим был всю жизнь очень дружен, переписывался (после его смерти был найден архив – он, оказывается, всю свою жизнь половину своих заработков отправлял сестрам) и делился всеми проблемами. Все 5 сестер были старшими.

Сестры Ибрагима жили в далекой татарской деревне на Волге. Недалеко от города Сталебункерска (куда я в 1992 году эмигрировала).

И вот, когда Мавлюда умирала в больнице, к Ибрагиму домой вдруг приехала его сестра. Да не одна. С какой-то женщиной. Сестра сказала, что это очень известная в их краях женщина-ведунья. Знахарка, колдовка, и прочее-прочее. Также сестра пояснила Ибрагиму, что когдав деревне было вслух прочитано письмо, в котором он описывал признаки болезни жены, то все хором сказали: колдовство. Причиной болезниМавлюды было колдовство – поняли сестры. И поэтому есть шанс ее спасти – решили они.

Ибрагим, отчаявшийся помочь жене, согласился во всем с сестрой, хотя в колдовство не верил. И не стал противодействовать спасательным мероприятиям в его доме. Сестра Ибрагима и ведунья принялись за работу.

Все эти события Ибрагим впоследствии в подробностях изложил жене. А спустя много летмоя бабушка рассказала обо всем этом мне. Так что все подробности, выводы и комментариив этой истории не мои. Я только пересказываю, что услышала.

Ведунья стала ходить по дому. Прислушивалась, принюхивалась, приглядывалась, заглядывала во все закоулки. По-русски она не говорила. Вообще непонятно было, на каком языке она говорила – звуки издавались странные и непонятные. Спустя некоторое время она дала знак сестре Ибрагима: нашла.

Далее были произведены следующие действия. Ибрагим не вмешивался. Только смотрел.

Во дворе дома по указаниям ведуньи были расстелены простыни. Прямо на земле. На них вынесли из дома все подушки, одеяла и матрасы.

Сестра Ибрагима была фактически переводчицей ведуньи. Она озвучивала все ее указания, которые производились жестами.

Все подушки и одеяла было приказано вскрывать. Ватин, перо, пух – всевынималось и просматривалось – прочесывалось, перебиралось, протряхивалось.

К великому удивлению Ибрагима, в подушках, матрасах и одеялах стали находиться подозрительные предметы – ржавые иголки, пучки волос, черные перья, камни, засушенные экскременты. И даже какие-то странныескомканные записки – с неведомыми закорючками. Все эти предметы складывались в кучку отдельно. Кучка неуклонно росла. Работа былане легкой – одеял и подушек в доме было много, так как семья Ибрагима была многочисленной.

Когда прочистка постелей завершилась, то остатки тканей, перьев, ватина и всего прочего – что раньше было одеялами и подушками – было сожжено. А над кучкой подозрительных

предметов долгое время проводились какие-то странные действия с криками, причитаниями, и падениями ниц. Потом их куда-то унесли.

Далее сестра Ибрагима организовала огромную хозяйственную работу. Были куплены новые ткани, ватин и перья. Приглашены чесальщицы, стегальщицы и валяльщицы, швеи подушек-одеял – из местного населения. Такие профессии были – я помню, даже сама хотела этому научиться. И под присмотромведуньи, под ее причитания и почти песнопения, нанятые работницы, непременно на улице, на солнечном свету, изготовили новые подушки, матрасы и одеяла для семьи.

Далее ведуньячистила весь дом. С использованием интересных, почти театральных приемов. Все обрабатывалось какими-то жидкостями, дымом, семенами и зернами.

После этих действий, ведунья изготовила снадобья для Мавлюды. Было велено давать их пить больной женщине, а особое вонючее масло-жир – втирать в кожу всего тела.

Бабушка всю жизнь лечилась. Она любила всякие настои и мази. Видимо и тогда, все, что принес ей муж в больницу – использовала, и все советы ведуньивыполнила безукоснительно. Жить – то хотелось!

И случилось чудо. Мавлюда пошла на поправку.

Была еще одна информация, которуюсообщила ведунья перед отъездом в свои родные края. Она сказала, что порчу, которую она обнаружила в доме, навели не на Мавлюду. Все предметы, найденные в постельных принадлежностях, были материализацией колдовства в отношении ее мужа – его хотели присушить, отбить от жены и семьи. Человек, который заказал такое колдовство, по словам ведуньи, был из близкого окружения и вхож в дом. И теперь, когда опытная и настоящая ведунья провела очищение дома, прочие обряды и поставила защиту, тот, кто хотел присушить Ибрагима, внезапно умрет. Так она предсказала. И очень скоро умрет. По закону бумеранга, колдовство вернется к тому, от которого оно исходило.

Лечиться настоями и мазями ведуньи Мавлюда согласилась безоговорочно. Но сообщение о попытке присушить ее мужа, в то времяуже старика, она подняла на смех.

Моя бабушка, конечно, не была атеисткой. Но в тоже время, она былорационально мыслящим человеком, порой с нигилизмом в суждениях. Она не знала русской письменности, и потому не читала журналов и книг, но зато она во время работы – шитья – постоянно слушала радио. Она всегда интересовалась политическими событиями в мире и линией партии. Все это было ей интересно по-настоящему. А тут вдруг какое-то колдовство, какие-то присушки и порчи – все это вызывало у нее насмешку и недоверие.

И кто это из близкого окружения и вхожий в ее дом хотел отбить у нее 55-летнего мужа? Смешно!

Так думала Мавлюда. Не поверила.

Надсмехаться над предсказанием ведуньи бабушка моя перестала смеяться в один день. Она еще была в больнице, и выздоровление только-только началось. Ибрагим принес ей страшное известие. От него Мавлюда впала в оцепенение. И вот что сообщили Мавлюде: внезапно умерла ее младшая сестра.

У бабушки были две младшие сестры и три брата – два старших и один младший. Мама бабушки родила в свое время две «тройки» детей. Первую тройку старших детей – еще до революции. А вторую, намного позже, через 10—15 лет, уже после революции. Всего детей было рожденоб – три девочки и три мальчика.

Одна из младших сестер моей бабушки жила неподалеку – в начале поселка, где располагался дом Ибрагима и Мавлюды. Звали эту сестру Надя. Надия.

На момент болезни Мавлюды Надие было 30 лет. Она была красивойженщиной, однако к этому времени уже очень несчастной. Несколько лет назад от нее без объяснения причин ушел муж. А сын, Алишер, подросток, после ухода из семьи отца, совсем отбился от рук. Он

связался с местной шпаной, и уже, несмотря на очень юный возраст, мог неделями не появляться дома. Надия жестоко страдала.

Алишер впоследствии попал в тюрьму за кражу, и там сгинул. Никто не знает, как сложилась его дальнейшая судьба.

Предательство мужа иповедение сына быстро сломили Надию. Она начала пить. Алкоголизм очень быстро побеждает именно женский организм, и потому на подходе к 30-летнему возрасту Надия уже имела все признаки алкоголизма и пила запоями. На работе ее никто не держал. Кому она была такая нужна? Жить ей было не на что. Ее каморка в доме барачного типа не была ейнадежным домом, и Надя часто бывала у сестры.

Сестра Мавлюда, конечно, была благополучной, по сравнению с младшей сестрой, женщиной. У нее был надежный муж, красивый большой дом, хорошие дети – трое. Также Мавлюда была даже в те времена успешным предпринимателем. Высококлассной портнихой, у которой клиенты шили одежду по записи.

Конечно, Мавлюда очень жалела сестру. И кормила, и денег давала. И одежду дарила.

И вот Мавлюде, которая очень болела и лежала в больнице, вдруг принесли известие: Надия внезапно скончалась.

Надия сидела за столом своей крохотной кухоньки – в своем бараке. Опустила голову на руки. Вроде как заснула сидя за столом. Соседи видели ее в окно. Пьянство Надии секретом ни для кого не было, потому соседи решили – пьяная, спит. Когда на следующий день заметили, что поза женщины не изменилась за сутки, вскрыли дверь. Надя в ту минуту уже была давным-давно мертва. Вскрытие показало, что на момент смерти женщина пьяной не была.

У моей бабушки от такого известия началась депрессия. Надия? Колдовала? Хотела отбить мужа?

Мавлюда отказывалась во все это верить.

Был с особым пристрастием допрошен Ибрагим. Замечал ли он признаки женского внимания со стороны Надии? Оказывается, замечал. И очень удивлялся. Во-первых, мой дед был гипертрофированно порядочным человеком. И он недоумевал: это же сестра жены, как же так, что происходит, как можно? А во-вторых, он удивлялся. Неужели он может быть в свои 55 лет интересен молодой красивой женщине 30 лет?

ТакИбрагим своими признаниямиподтвердил вероятность заказа колдовства.

Действительно, возможно, что Надия устала от своих неудач, и решила увести мужа у сестры. Сестра мужем не особо дорожила (так казалось Надие), постоянно с ним ссорилась. Дети у нихуже были взрослые. Вполне вероятно, что она решила: можно попробовать. Деду хоть и не так мало лет, но он все равно красавец. Он здоровый и очень хозяйственный мужчина. А то, что колдовство, заказанное Надией, имело незапланированный исход, объясняется очень просто. Много людей берутся за это пикантное ремесло, не считая, что нужно серьезно ему обучаться. Также долго и усердно, как и врачиучатся! Вот и получается непредсказуемость! И это ремесло очень опасно, тем более, если за дело берется дилетант.

История с болезнью, выявленной особым способом причиной этой болезни, и смерть сестры, нанесли моей бабушке оченьболезненную психологическую травму. О которой она и поведала мне – своей внучке, много-много лет спустя.

Глава 2. Буква «У». Папина линия

«Законная благодарность»

Мой отец, Бакшан Таймурзаевич, умер в 2003 году. В полной нищете. На чужбине. В захудалой уездной больнице для умалишенных. В одиночестве.

Обстоятельства смерти моего отца являются для меня огромным грузом, который я несу поныне и буду нести до конца своих дней.

Я ничем не смогла скрасить существование отца в последние годы его жизни. Мое материальное положениеи социальный статус не позволили мне это сделать.

Четверть века из моей жизни было потрачено на скитания по чужой стране. Я все эти годы была без мужа, без прописки, без жилья, без имущества, одна с ребенком. Я часто теряла работу, а также переезжала – в поисках лучшего места и постоянного, более надежного, чем арендованное чужое жилье, пристанища. И не находила их. Все эти годы я скиталась по чужим углам, из которых меня регулярно выселяли.

Столь неблагополучное существо, конечно, не смогло избавить отца от пребывания в такой страшной больнице. Но, понимая, что я и не могла бы сделать что-то для отца по объективным причинам, я все равно считаю себя виноватойперед ним.

Однако есть один интересный момент нашего бытия. До него я додумалась недавно. Это важно для понимания жизни вообще.

Говорят, что человек видит жизнь сквозь свои собственные очки – духовные. Эти очки – призма его души. Что есть в душе, порой даже неосознанно – отражается в избирательном видении окружающего. Если в тебе много обид – видишь несправедливость вокруг. Если в душе таится грех – постоянно встречаешь на своем пути таких же грешников. Также говорят, что имеешь в душе – то и привлекаешь, притягиваешь в свою жизнь. Если все время в душе злишься, то обязательно тебе попадаются особые хамы, которые тебя доводят до белого каления. Это – одна сторона бытия.

Вторая сторона – это проявление человеком агрессии противкакого-то качества, на самом деле подчеркивающей, что именно этот человек является носителем этого качества. Например, если муж изменяет жене, то он, как правило, патологический ревнивец, и постоянно упрекает жену в мифических изменах. Также алкоголику всегда мерещится, особенно если он закодирован, что все вокруг явные алкоголики. И такой «трезвенник» постоянно делает всем замечания, что «все много пьют», критикует их.

По аналогии с этими двумя сторонами бытия, я смогла понять еще одну его грань. Объясню на примере своего отца.

Я, как ребенок своего отца, которого он вырастил и выучил, ОБЯЗАНА была позаботиться о нем в старости. Но не смогла.

Однако вокруг были еще люди, которым мой отец в течение своей жизни сделал много добра – включая помощь в получении высшего образования, он заботился о них также, как о своей семье, оказывал существенную материальную поддержку, вплоть до покупки квартиры – в сумме им он сделал даже больше, чем своим детям. Но что интересно, именно эти люди, когда мой отец лежал в этой страшной больнице, сочли своим долгом – в благодарность за все, что им мой отец сделал хорошего – проявлять не заботу о нем, не помощь, не поддержку – НЕТ! Они считали, что для благодарности достаточно всего лишь осуждать меня. За то, что не могу помочь своему отцу. И не ленились они для этого приезжать из другого города, чтобы навестить моего отца, поужасаться условиям, в которых он живет. Не – чтобы помочь. А – чтобы тяжелым немигающим взглядом «одарить» меня. Никчемную такую. Потом пошептаться кое с кем на эту тему, поцокать и покачать головами.

Это всея вспомнила не для упрека в адрес этихлюдей. Я только пытаюсь оформить в слово то, что я поняла: даже неосознанно, тяжесть несовершения того, что нужно было совершить, и спровоцировала у этих людей чувство осуждения меня. По аналогии – если в душе есть злость, кто-то обязательно разозлит тебя еще сильнее.

Осудить легче (менее затратно), чем помочь. На подсознательном уровне эти люди (их душа) понимали, что они должныбыли помочь моему отцав одинаковой со мной степени. Но духовная бедность, проблемы бытия, свои заботы и дела своей семьи (у всех людей ведь забот полон рот) – все это вместе, не давалоправильной мысли о долге пробиться наружу. Вместо этого захотелось вроде как приобщиться (ведь мой отец всегда присутствовал в их жизни), а процесс осуждения другого человека (меня) давалим возможность хотя бы иллюзорно поучаствовать в важном деле. Осуждение дало возможность немного собой полюбоваться – вот я, какой благородный, жалею старика, а непутевая дочьничего для него не сделала. И по душе у них, я предполагаю – разливалосьтепло от осознания своего благородства….

Вывод я делаю такой. Если кто-то кого-то осуждает за несовершение (совершение) чего-то, что осуждающий считает важным, то это явный признак, что именно это (важное) должен сделать сам осуждающий. Должен – в гораздо большей степени, чем осуждаемый.

Буква У

Мои воспоминания прошлоговыглядят как кино. Экран расположен внутри моей головы (или сознания?). Кинофильм «крутится», как круговое кино – объемно. Я сама участвую в событиях, но на экране я – тогдашняя. А я – сегодняшняя – тоже рядом. Но это наблюдатель – со стороны.

«Кинофильм» удивительным образом показывает не только объемную картинку, но и воспроизводит запахи, звуки, ощущения, в том числе и температурные. Также дается план обзорный, и приближенный – можно очень близкорассмотреть лица, заглянуть в глаза.

Смотреть такое «кино» тяжело психологически. Ведь на «экране» появляютсялюди, давно ушедшие в другой мир.

Вижу картинку. Мне 6 лет. Я сижу в комнате за огромным отцовским письменным столом. Сидеть мне неудобно – высоко. Также мне неудобен старинный тяжелый стул.

Я не просто сижу. Я делаю уроки. Я в первом классе. Предмет – чистописание. То есть я учусь писать буквы. Пишу в черновике. Стараюсь.

Рядом со мной, вплотную, на таком же стуле, сидит моя бабушка Мавлюда. Она, по всей видимости, сидит для моей защиты, чтобы мне было не так страшно, и просто, чтобы поддержать меняморально.

За нашими с бабушкой спинами расхаживаетвлево-вправо разъяренный отец – мой папа. Он еле сдерживает гнев. Временами кажется, что он замахивается на меня. Бабушка в это момент прижимается ко мне еще ближе, как бы прикрывая меня от возможного отцовского удара.

Я пишу букву «У». Недостаточно написать лишь бы что. Отец добивается каллиграфического написания этой буквы в его стиле – у него изысканный почерк. Папина буква «У» красавица – у нее вначале локон, потом плавное па вниз, потом взлет к стройной извилистой лиане, в конце которой тоже очаровательный завиток.

Я стараюсь, но не могу написать букву хорошо. Я уже устала. Я пишу в черновике эту букву уже сотый раз. Причем каждый раз буква получается еще хуже, чем в предыдущий.

После каждого очередного уродливого написания буквы я тяжело вздыхаю – отец заглядывает в тетрадь и начинает орать на меня нечеловеческим голосом. Бабушкаприжимает меня к себе, закрывает мою голову ладонью и по-татарски ругает зятя: «Ты что орешь, как ненормальный? Ребенку 6 лет! Ну не может она написать букву сегодня – напишет завтра!».

Но папа тещу не слушает. Он заставляет меня писать букву снова.

Очередная попытка написать букву очень трудна – на носу у меня повисла огромная слеза. Смахнуть ее я боюсь – папа будет опять кричать.

Бабушка привстала со стула, чтобы лучше видеть, как я пишу. В этот момент, оказывается (это было за спиной, и потому я не видела, и бабушка не видела этого), папа зачем-то взял ее стул, иотнес его в другой конец комнаты. Конечно, он сделал это не специально. Видимо, стул его раздражал, как и все вокруг – непосильные отцовские обязанности, теща и бестолковая дочь.

Но именно этот машинальный жест – убрать стул – и разрешил всю ставшую слишком напряженной ситуацию.

Бабушка, думая, что стул – где был – там и стоит (она за часа два этого урока чистописания уже несколько раз привставала, а потом, не глядя, садилась), села. А стул-то отсутствует!

Бабушка с грохотом упалана пол. Назад. Спиной и головой. С высоты роста.

Мама все время урока была на кухне – в педагогический процесс не вмешивалась. Но, услышав грохот и стоны бабушки, мой крик, она подумала, что папа перешел к решительным

действиям – решил тупого ребенка убить. Ведь во все время урока в минуты диких криков он уже обещал это сделать не один раз.

Мама прибежала в комнату, полная решимости остановить кровопролитие.

Увидев, что бабушка лежит на полу и не может встать, мама накинулась на папу с кулаками и криками, обозвала его последними словами, порвала мои черновики с буквами «У», расставила все стулья подальше от письменного стола. И затем они вместе с папой подняли бабушку, уложили ее в кровать. Бабушка сильно ударилась, в том числе и головой.

Папе досталось от мамы «по первое число» и « по самое не хочу» за попытку искалечить тещу.

С того дня прошло полвека. И я все эти годы изумительно красиво, с локонами и завитками писала букву «У». В точности, как папа. Научилась все-таки.

Моя тревога

Говорят: жизнь прожить – не поле перейти. То есть очень нелегко. И как нелегко, скажу я вам, эту самую жизнь перелопатить, передумать, вновь всю пережить мысленно, записав все события и мысли на бумаге!

Вот я взяла на себя эту нелегкуюношу – переосмыслить всю свою прошедшую жизнь – 55 лет. Зачем?

Если человек пишет литературное произведение – рассказ, роман, мемуары – то вроде бы он – писатель. Но я не считаю, что я – писатель. Я – самопсихотерапевт. Самооблегчитель, самоуспокоитель и самоосвободитель. Вот кто я, а не писатель.

Все события жизни – разные, хорошие и не очень – будучи прописанными на бумаге, озвученные вслух – при редакции текста, а также прокрученные в голове вновь и вновь – становятся чем-то иным. Наполняются большим смыслом, что ли. Если события были тяжелыми – они становятся светлее. Если это счастливые события – они повторяются в голове, даря те же прекрасные эмоции вновь. А в целом – все прописанные и вновь, заново обдуманные события жизни, придают ей какой-то важный смысл. Наполняют ощущением и уверенностью, что жизнь прошла не зря.

А жизнь каждого человека проходит не зря. Даже если очень-очень мало толку с нее взялось. Даже если всего пол шажка удалось пройти по пути вверх – к особым высотам (яимею в виду НЕкарьеру!). Дальше, потом, сызнова – все равно будет легче. Игра – новая – начнетсяименно с рубежа того самого пол шажка.

Жизнь каждого из нас имеет великую ценность – каждое ее мгновение. Потому что любое мгновение, событие – это важный опыт. Такой опытне приобретешь нигде более, ни в какой другой галактике, или другом измерении. Именно такой опыт, а не какой-то иной. Поэтому нет смысла делать вид, что мы что-то забыли (или делаем вид, что забыли) в своем прошлом. Его – прошлое – надо перебирать. Обдумывать. Делать выводы. И не бояться себя расстроить.

Если стараешься забыть свое прошлое – такое выражение есть – «выбрось из головы, или вычеркни из жизни» – ты станешь беднее на эту выброшенную илизабытую часть.

Не старайся забыть свое прошлое. Хотя бы сам с собой будь честен. Поговори сам с собой на все волнующие итяжелые темы. Сформулируй все свои тревоги и обозначь страхи. Поверь – станет легче.

И вот я сформулировала одну из своих тревог, из своего прошлого. Я ее выудила из глубины памяти, по кусочкам. Пусть будет на виду. Вот ее предыстория – далее по тексту.

У моего отца была страшная болезнь – Паркинсона (далее в тексте БП). Когда он уже ярко ею болел, я начала интересоваться, что это за напасть такая. Стала искать информацию в медицинской литературе, в журналах.

Я, конечно, совсем не врач. И, скорее всего, глубоко не усвоила всю медицинскую информацию по этому недугу. Но некоторые моментыя поняла и запомнила – они очень важны для меня.

Я не собираюсь особо комплексовать, что я не врач, и не могу профессионально понимать эту болезнь, и со знанием дела рассуждать о ней. Медицина современного человечества, несмотря на гигантский скачок в развитии запоследние сто лет, все же еще очень недалеко ушла от средневекового уровня. Большинство болезней, особенно касающихся мозга и психики человека, еще вообще не изучили. Так что мой дилетантский подход к осмыслению серьезной болезни отца не так ужкоряв, если учесть, что и сами медики знают о ней немного. И строят свое лечение на версиях, предположениях и догадках.

У болезниБП – предположительно – имеется три группы причин:

1. Наследственная предрасположенность, если болел ею кто-то из предков.

2. Травмы, в первую очередь головы и головного мозга, полученные в течение жизни.

3. Интоксикации, полученные в течение жизни: от злоупотребления алкоголем, отравляющими веществами, наркотиками, психотропными и седативными средствами.

Болезнь страшна тем, что развивается очень долго – она может внешне не проявляться в течение25 (!) лет! А все это время идет процесс разрушения мозга – он превращается постепенно в дырчатую структуру, наподобие головки голландскогосыра с огромными аппетитными дырками.

То, что болезнь внешне не проявляется, вовсе не означает, что ее не чувствует сам больной. Однако в связи с очень медленным нарастанием ощущений, и их странностью – это же не насморк во время простуды – человек не может ничего понять, распознать и забить тревогу.

Я предполагаю, что мой отец что-то чувствовал. Но уже не спросишь – он унес информацию в могилу.

Начнем анализировать возможныепричины болезни папыс конца списка причин БП – с третьего пункта.

Яркие признаки БП у моего папы проявились примерно в 55 лет. Если взять классический инкубационный период болезни – то заболел папа (то есть когда началось разрушение мозга) примерно летв 30.

Свою маму я помню с моего годовалого возраста – обрывочно. С трехлетнеговозраста я помню мать – уже ярко и осознанно. Отца помню – только лет с пяти. Когда он начал со мной беседовать на разные темы.

Отец старше меня на 27 лет. То есть я помню его с его 32—33 лет. И я помню его в этом возрасте, и далее – как очень умного, доброго, великодушного человека, коллекционера книг и виниловых пластинок, веселого и общительного человека.

Однако, примерно к моему 6—8 летнему возрасту, у отца я стала замечать – и запомнила – эпизоды поведения, резко отличающиеся от его основного имиджа. Это были вспышки гнева, и проявления злобности – в голосе, мимике, жестах. Это было странно даже для меня – ребенка. Такие полярные проявления я интуитивно признала неестественными.

И еще – вот что было для меня странным и страшным – вспышки гнева были непредсказуемыми инеобъясняемыми. Просчитать их начало не представлялось возможным. Приходил папа – и я никогда не знала – начнет он со мной играть, затеяв веселую беготню, или злобно сверкнет глазами, заскрежещет зубами. Эта необычная способность была у него до начала полного заболевания в 55 лет – только тогда у него прекратились вспышки злобности со скрипом зубов и страшным бурящим взглядом. Взгляда этого боялись многие и многие – он был какой-то змеиный, парализующий, металлический, холодный. В момент такого взгляда застывало лицо, губы становилисьузкими и тонкими, ноздри раздувались. И начинался скрежет зубов. Это было очень страшно.

В связи с непредсказуемостью поведения отца, я стала бояться его появления – так, на всякий случай. Когда он подходил к дому, он всегда вынимал из кармана ключи – у него была их огромная связка всегда. И пока подходил к двери – гремел ими.

Страх перед гремящими ключами и резким звуком вставляемого в замочную скважину ключа у меня сохранился на всю жизнь – и исчез только 4—5 лет назад, то есть примерно в моем 50-летнем возрасте.

Дальше – больше. Я помню эпизоды, в которых отец представал передо мной в образе монстра – то есть я реально его боялась. Его периодические приступы педагогической активности – когда он воспитывал меня или чему-то обучал, как правило, становилисьдля моей детской психики серьезным испытанием.

И в то же время – в этот же период, и в дальнейшем, – такие агрессивные эпизоды сменялись прежними – когда папа был умным, добрым, понимающим, отличным рассказчиком

и участником детских игр. А если я все же что-то натворила – разобрала часы, утюг, нахватала двоек или принесла в дом жуков и лягушек – папа разбирался со всем этим спокойно и мудро.

У меня есть в памяти абсолютно, диаметрально противоположные реакции отца на похожие ситуации. От гнева с пеной у рта по незначительной причине – до вроде бы и воспитательной (я много хулиганила по-детски), но улыбки папыи при этом с добрыми глазами. Мой детский мозг лихорадочно искал какие-то закономерности в поведении отца и не находил их.

С этого же времени я стала частовидеть папу пьяным. Далее, с возрастом, я почти никогда не видела его трезвым. Он не валялся, не проявлял классического алкогольного психоза – типа лежать мордой в салате, или бубнить что-то невразумительное, или валяться в луже у дома. Нет, этого не было почти никогда. Но он всегда был «поддатым».

Я все это вспоминаю сейчасусиленно, подробно, чтобы понять, где и когда проявились признаки, что папа почувствовал: он заболел. И я думаю, что папа был болен уже в возрасте 32—33 лет.

Шли годы – болезнь развивалась. Приступы гнева учащались. Неадекватное поведение, шальные необдуманные решения, очень похожие на сверхценные, идеи – это я с ужасом наблюдала уже в своем отроческом возрасте.

Я могу сейчас сделать условную периодизациюсвоего отношения к отцу в течение моей жизни:

1. Раннее детство. Страх. Интерес.
2. Отрочество. Страх. Непонимание.
3. Юность. Страх. Раздражение.
4. Ранняя молодость. Обида. Недоумение.
5. Средняя молодость. Жалость. Напряжение.
6. Зрелость. Жалость. Горе.
7. После смерти отца и сей день. Жалость. Вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.